

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1/14,16

«ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА» ГЕГЕЛЯ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ, СТРУКТУРА И СТИЛЬ РАБОТЫ

д-р филос. наук, проф. Т.Г. РУМЯНЦЕВА
(Белорусский государственный университет, Минск)

Анализируется один из сложнейших и в то же время наиболее знаковых текстов в мировой философской литературе, который К. Маркс не случайно назвал «истинным истоком» и «тайной» гегелевской философии, – «Феноменологии духа». Показано, что данный текст является своего рода символом философского трактата как такового, который обязан прочитать каждый, кто имеет хоть какие-то притязания на философское мышление. Предпринята попытка раскрыть основные идеи гегелевской феноменологии духа, а также осветить те «тайны» и «загадки» книги, которые связаны с выяснением структуры и стиля ее написания.

Ключевые слова: Г. Гегель, «Феноменология духа», Г. Шпет, структура «Феноменологии духа», стиль гегелевской феноменологии, Ж. Д'Онт.

Введение. Первой из крупных работ Гегеля, явившейся в то же время первым выражением его философской системы абсолютного идеализма, стала написанная им в Йене «Феноменология духа». Эта работа посвящена анализу форм развития или феноменов знания. Для выработки представлений о саморазвивающихся явлениях знания Гегель использовал в качестве объекта историческое развитие духовной культуры, представив последнюю как саморазвитие абсолютного духа. Сопоставляя различные формы человеческого сознания, немецкий философ анализирует их как исторически возникающие и развивающиеся особые формообразования духа.

Гегель подготовил книгу к печати в 1805–1806 гг., а опубликовал ее в 1807 г. под названием «Система науки. Часть первая. Феноменология духа» (одним из заголовков книги является также «Наука об опыте сознания» или «Наука опыта сознания»). Перевод текста на русский язык был осуществлен Г.Г. Шпетом. Кстати, текст Шпета и перевод феноменологии на французский язык А. Кожевым создавались почти одновременно и независимо друг от друга (Кожев – 1933–1939, Шпет – конец 20-х годов).

Шпет был «блестящим и оригинальным мыслителем своего трагического поколения», всю свою жизнь он работал в феноменологическом направлении, обосновывая его продуктивность в философии XX в. Поэтому его интерес к «Феноменологии духа» Гегеля, разумеется, не был случайным. Эта книга «привлекла его программой превращения философии в строгую науку и пониманием философии как чистого знания, свободного от любого рода психологизма». В противовес многим, широко распространенным в те годы философским течениям он отстаивал именно феноменологический подход к анализу сознания и его смысловых образований, причем не только в их абстрактных моментах, но и в их исторической конкретности. Его перевод данного текста на русский язык по праву считается интеллектуальным и гражданским подвигом. По словам К.А. Сергеева и Я.А. Слинина – авторов вводной статьи к русскому изданию (1992), этот перевод Шпету приходилось делать в такое время, «когда наш язык отлучался от подлинно философской мысли идеологией классово-борьбы и ненависти при помощи так называемой диалектики всеобщего, особенного и единичного, предлагающей легко усваиваемые схемы рассуждения» [1, с. VI]. В таких условиях то, что сделал русский философ, следует считать «интеллектуальным и гражданским подвигом, заставившим нас через тридцать лет, когда перевод был, наконец, опубликован, не только пересматривать сложившееся понимание гегелевской философии, в значительной мере определенное "Философскими тетрадами" Ленина, но и выяснять, где находится сама наша мысль, если она еще есть в философском измерении и на каком пути она может себя обнаружить» [1, с. VI].

Основная часть. «Феноменология духа» Гегеля общепризнанно считается одним из самых знаковых произведений мировой философской литературы, своего рода символом философского трактата как такового. При этом ее принято считать и одним из самых загадочных произведений, продолжающих и сегодня притягивать внимание многочисленных исследователей и просто читателей. И это, несмотря на то, что «Феноменология духа» является в высшей степени сложным профессионально-философским текстом, который К. Маркс не случайно назвал «истинным истоком» и «тайной» гегелевской философии. Главная «загадка» здесь связана, пожалуй, с выяснением *места*, которое занимает эта работа в системе философии Гегеля. Ибо, несмотря на уведомление о будущих публикациях «прочих частей», автор так и

не опубликовал ни вторую, ни какую-нибудь другую часть своей «Системы науки», и «Феноменология духа» осталась не только первой, но и единственной частью системы в данной редакции. А в 1812 г. Гегель радикально изменит структуру своего учения, в котором феноменология духа уже вообще не будет фигурировать в качестве самостоятельного раздела. Изложенное кратко по новой схеме в «Энциклопедии философских наук» его учение предстанет как состоящее из логики, философии природы и философии духа, как оно и подается в традиционном изложении.

Анализируя данную работу, нельзя не остановиться и на таком важном вопросе, который касается того, что можно было бы назвать «общим планом» феноменологии. Это относится и к общей характеристике гегелевского произведения, и собственно к его структуре. Обозначить этот момент тем более важно, что до сегодняшнего дня историки философии не перестают спорить и о том, почему философ, наметивший программу построения *общепопной* науки, которая должна стать «вполне определенной», «экзотеричной, понятной и годной для того, чтобы быть изученной и стать достоянием каждого» [2, с. 7], в то же время выражал свои мысли столь туманно и эзотерично, что над каждой его фразой и сегодня приходится «задумываться, искать, трудиться, размышлять» [3, с. 432].

Структура гегелевской работы четко соответствует самой схеме движения основных ступеней развития сознания, которое постоянно соотносит себя с предметами и в то же время отличает себя от них. Поэтому именно эти предметы и сознание как таковое и составляют содержание двух первых главных ступеней его развития. Первая ступень и составляет т.н. предметное сознание, или просто *Сознание*; вторая – *Самосознание*; единство сознания и самосознания как объективного и субъективного составляет *Разум* – третью главную ступень, разумное сознание. Так как разум есть субъект, самосознающий себя, то он, по Гегелю, есть *Дух*. В свою очередь, откровения этого духа составляют миропорядок, высшей ступенью которого является идея Бога в мире, или представление божественного (абсолютного) в мире, или *Религия*. Истинное же богопознание и есть не что иное, как *Абсолютное знание*.

Пытаясь представить структуру, или деление «Феноменологии духа» в трехчленном порядке, служившем для Гегеля своего рода каноном для построения всей его системы, можно выделить три главных ступени, а последнюю – разум, как состоящую из четырех частей. В оглавлении книги это выглядит следующим образом:

[*A. Сознание*], [*B. Самосознание*], [*C. Разум*] (или *Абсолютный субъект*)

Соответственно, третья ступень делится на следующие четыре части:

(*A.A.*) *Разум* (*B.B.*) *Дух* (*C.C.*) *Религия* (*D.D.*) *Абсолютное знание*.

Таким образом, в этой схеме разум фигурирует дважды: он составляет главную ступень *C* и в то же самое время формирует ее первый член *A.A.* Эту третью часть «Феноменологии духа», состоящую из четырех разделов, сам Гегель в тексте оставил без однозначного заглавия; в то же время у него мы встречаем такие заголовки этих разделов, как «достоверность и истина разума» (то, что соответствует *A.A.*), «дух», «религия» и «абсолютное знание». В отечественной историко-философской науке эту часть «Феноменологии духа» условно было принято называть «Абсолютным субъектом». Именно таким образом эта часть [*C*] и представлена в современных изданиях данной работы.

Сам Шпет на последних страницах книги под рубрикой «От переводчика» указывал, что «детализирующие заголовки параграфов», которые мы видим в оглавлении работы, появились только благодаря Георгу Лассену. Он тщательно отредактировал текст гегелевского издания 1907 г., и этот текст стал вспомогательным материалом для русского переводчика. По словам Шпета, эти заголовки «облегчают пользование текстом» и потому были воспроизведены им в его переводе, однако, как «текст, не принадлежащий самому Гегелю», эти заголовки были заключены им в квадратные скобки» [2, с.439].

В отличие от кантовской «Критики чистого разума», которая несколько раз переводилась на русский язык (в 1867 г. – М.И. Владиславлевым, в 1896–1897 гг. – Н.М. Соколовым, в 1907 г. – Н.О. Лосским; затем в 60-е, 80-е и 2000-е перевод Лосского был основательно уточнен и стилистически отредактирован), гегелевская «Феноменология» до сегодняшнего дня существует в том переводе, который был сделан Шпетом, и который до сих пор не подвергался существенному пересмотру. Ответить однозначно на вопрос о том, почему ситуация именно такова, не так просто. Можно только гадать: то ли перевод Шпета оказался слишком хорош, то ли тот труд, который ожидает потенциального переводчика, слишком огромен. Хотя в литературе и упоминались попытки некоторых авторов осуществить эту работу, но речь в данном случае шла лишь об отдельных переводчиках-энтузиастах, занимавшихся переводами исключительно по собственной инициативе и для узкого круга единомышленников.

Так, некоторые исследователи, начиная уже с Р. Гайма, писали о том, что, будучи «наукой опытного сознания», феноменология фактически изображает самопережитую историю, заставляя «сознание пройти целый учебный курс от *A.B.C.* чувственной достоверности до ступени мудрости безусловного знания и делит этот путь на станции, классы... представляя ... генезис безусловного знания именно таким, как он основан в нашем сознании» [4, с. 188]. Гайм даже сравнивал феноменологию с физиологией, полагая, что если последняя может представить «историю развития семени в плод, яйца в живое существ-

во», так феноменология стремится изложить в таком же роде историю развития естественного, как бы эмбрионального сознания до самой высшей, самой зрелой точки сознания. Ее можно назвать своего рода «путем для души», которая должна пройти целый ряд своих образований как станций, ее же собственной природой ей определенных, чтобы, наконец, просветлиться до сущности духа. Этим, собственно и определяется *структура* феноменологии, в которой сознание отправляется от чувственной достоверности и ее «незрелых предположений, но прежде всего с помощью наблюдения старается достигнуть «рассудка». Ближайшая за этим точка в истории сознания обозначает «самосознание». Через несколько ступеней оно развивается в «разум». Мы познаем разум как в его теоретических, так и в практических отправлениях. Еще шаг, и перед нами раскроется «богатая жизнь «духа» во всей его полноте в интересах нравственности и образования, в искусстве и религии; наконец, ему откроется и сама святыня «безусловного знания», где он станет самим собой, в чистой стихии истины» [4, с. 189]. Примерно в этом же духе рассуждал в свое время и Ф. Энгельс, назвавший феноменологию духа «параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, изображением индивидуального сознания на различных ступенях его развития, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием» [5, с. 345].

Как уже было отмечено, все это относится к т.н. *основному плану* работы. Однако в процессе развертывания индивидуального сознания в гегелевской феноменологии духа мы обнаруживаем в то же самое время и несколько иных планов и уровней, когда различные аспекты переходят друг в друга, образуя, если можно так выразиться, и второй, и третий... планы работы. Так, история самосознания переплетается здесь с реальной историей целого ряда народов, а также с историей философских течений – стоицизма, скептицизма и т.п. Формы сознания вдруг превращаются здесь в яркие исторические образы, характеризующие церковную и монашескую этику средневекового христианства, государство древних римлян, монархически-абсолютистскую Францию, немецкое Просвещение, Французскую революцию, философию Канта и Фихте, немецкую литературу и многое другое. Причем, все это у Гегеля дано не в едином последовательном ряду, а что называется вперемежку. Мы наблюдаем здесь «стремление к соединению в одно конкретного с отвлеченным», или отождествление духа вообще, духа *всеобщего* с духом *всемирной истории*, когда движение различных форм индивидуального сознания протекает как бы параллельно с движением сознания вообще и развитием действительной истории мира. «Трансцендентально-психологическая история сознания, в сущности, тождественна с историей образования мира», иначе говоря, все человечество, так или иначе, на протяжении тысячелетней своей истории должно пройти у Гегеля «тот же учебный курс, те же уроки, которые составляют станции индивидуума и моменты сознания, рассматриваемого как таковое» [4, с.190].

Эта идея на разный манер воспроизводится вот уже почти двести лет многими исследователями гегелевской феноменологии, сравнивающими ее со своего рода палимпсестом, где «над» и «между» первым текстом и последующими мы открываем все новые и новые слои. Это и путь развития абсолютного духа, и движение самой действительности, т.к. дух, по Гегелю, и есть эта единственно подлинная действительность. Это и логико-гносеологический, и одновременно чисто онтологический процесс; не случайно Гегель приравнивал путь развития действительности к пути развития самой науки. Отдельные стороны этой действительности представляют собой аспекты одного и того же духа, проявляющего себя в самых различных сферах – истории, политике, религии, философии, а также в истории индивидуального сознания. Будучи проявлениями одного и того же Абсолюта, все они развиваются параллельно друг с другом. Речь в феноменологии идет, таким образом, и об общем ходе развития человеческого познания действительности, и о его повторении в логически очищенном виде индивидуальным сознанием. Многие исследователи не раз высказывали идею и о том, что история человечества рассматривается в феноменологии три раза, что обусловлено вовсе не капризами самого Гегеля, а является закономерным следствием избранной им методологии. Индивидуальное сознание как бы повторяет опыт всего человечества и познание им (этим человечеством) действительности, усваивая их и достигая тем самым абсолютного знания. Причем, это усвоение сознанием опыта человечества раскладывается на ряд следующих ступеней:

1. История в зеркале развития *индивидуального* сознания, когда речь идет об обычном, естественном сознании, которое как бы пробегает всю историю от обычного сознания до разума как еще не познанную историю и как такое сознание, которое не знает еще ни себя, ни существующего предмета. Само общество оно понимает здесь как данное ему извне и как независимое от него существование.

2. История в зеркале постижения сознанием своей *общественной* природы и понимания истории развития общества как продукта совместной деятельности людей. Здесь сознание вновь, как бы по второму разу, пробегает историю человечества как действительную историю, в которой оно, хотя и участвует, но которую пока не понимает.

3. И, наконец, пройдя дважды этапы своего развития, сознание бросает *ретроспективный взгляд* на все ранее пройденные ступени истории, которую оно познало и сделало своим внутренним воспоминанием. Такими этапами постижения мира и истории становятся здесь искусство, религия и философия.

Этот тройной ряд развития сознания, или три круга, имманентно заложенные в феноменологии духа, часто экстраполируют на последующий вариант гегелевской системы философии. Речь идет о третьей ее части – философии духа, в которой движение субъективного, объективного и абсолютного духа во многом совпадает с тройным повтором человеческой истории, каждое из которых характеризует ту или иную степень усвоения индивидуальным сознанием человеческого опыта и знания на различных ступенях развития этого сознания.

Что касается *стиля* работы, то Гегель еще в юности не отличался ни изяществом, ни легкостью в устной и письменной речи. Его биографы писали, что уже тогда, в бытность образцовым учеником гимназии, его выступления признавались блестящими только со стороны их идейного содержания; наоборот, с точки зрения способа их изложения они были весьма неудовлетворительны. Сам великий Гете отмечал недостаток легкости в стиле его работ; даже в устной речи язык Гегеля шокировал и его, и друга Гете Шиллера. Еще один великий немецкий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт предполагал в нем неразвитость способности владеть языком, что, по словам уже не раз упоминаемого Гайма, «можно заметить даже в ту эпоху, когда он уже вполне осознал задачу созданной им системы» [4, с. 65]. Особенно тяжелым в плане понимания принято считать изложение Гегелем его «Философии природы», которое иногда называли «самым непроницаемым» относительно стиля его произведением. Не случайно Шопенгауэр, хотя и так не по-академически резко и грубо, назвал язык философии Гегеля «языком сумасшедшего». В этом же ключе, хотя, разумеется, гораздо корректнее, высказывались и многие другие исследователи: «Никогда, быть может ни прежде, ни после Гегеля, ни один человек не говорил и не писал *таким* языком. Иногда его изложение темнее изложения Якова Беме и отвлеченнее аристотелевского» [4, с. 66].

Сложность текста отмечал и его переводчик Шпет, полагавший, что это «одно из труднейших, если не самое трудное для понимания произведение философской литературы» [2, с. 439]. Причем, основная трудность и запутанность изложения «Феноменологии духа», как он полагал, проистекают из того, что в ней «всякое более высокое формообразование сознания повторяет и включает в качестве моментов диалектические ступени предшествовавших стадий и формообразований, поскольку Гегель старается провести и некоторое повторяющееся единство словесного выражения». Шпет назвал это формализмом, который приводит к тому, что терминология, ясная в применении к одной стадии, на другой превращается в сплошное иносказание. Однако, несмотря на своеобразную лексику, небрежную конструкцию, стилистически причудливые обороты и сбивающие с толку повторения местоимений, язык Гегеля все же отличается заметно ярким стилем. Философ использует в тексте массу каламбуров, сопоставлений, противопоставлений и параллелей, которые придают его тексту особый аромат. Шпет же отмечает, что этот «тяжеловесный и в то же время выпренный, архаический по составу и смысловому значению слов» (язык – *T.P.*), вдруг прерывается «метким афоризмом, смелым сочетанием слов и почти публицистической риторикой» [2, с. 440].

Отмечают также и серьезные терминологические затруднения текста, связанные с тем, что философ хотел написать «Феноменологию», опираясь исключительно на онемеченные латинские и греческие термины, что не означает, впрочем, что ему удалось это осуществить. Так, в тексте «свободно удерживается» латинская терминология Спинозы и некоторых других авторов. Можно отметить и использование Гегелем ряда оригинальных языковых новшеств, а также тех терминов, которые он широко заимствовал у своих предшественников-соотечественников, включая Х. Вольфа и И. Канта. Некоторые немецкие термины, которыми он активно пользовался, он намеренно противопоставлял, по словам того же Шпета, терминологии Канта и Фихте.

В русской литературе также сохранились интересные оценки языка немецкой, и в частности гегелевской философии, как языка «испорченного». Так, один из известнейших русских почитателей Гегеля А.И. Герцен писал: «Немецкая наука, и это ее главный недостаток приучилась к искусственному, тяжелому, схоластическому языку своему именно потому, что она жила в академиях, то есть в монастырях идеализма. Это язык попов науки, язык для *верных*, и никто из оглашенных его не понимал; к нему надобно было иметь ключ как к зашифрованным письмам. Ключ этот теперь не тайна; понявши его, люди были удивлены, что наука говорила очень дельные вещи и очень простые на своем мудреном наречии. Фейербах стал первым говорить человечественнее» [6, с. 217]. Тем не менее, записи в «Дневнике» Герцена полны восхищенными восклицаниями о гегелевском стиле. Он писал, что «нет ничего смешнее, что до сих пор немцы, а за ними и всякая всячина, считают Гегеля сухим логиком, костяным диалектиком вроде Вольфа, в то время как каждое его сочинение проникнуто мощной поэзией (15 сентября 1844); и дальше: «История философии» – «Вот талант-то!» (23 сентября 1844); «Философия природы» – «Везде гигант!» Перечитывая же его «Энциклопедию», Герцен замечал, что «всякий раз подобное перечитывание открывает целую бесконечность нового, поправляет, дополняет, уясняет смысл и самым убедительным образом показывает неведение или неполноту знания».

И все же феноменологию духа отличает куда большая, выражаясь словами Канта, «дискурсивная и интуитивная ясность», чем, скажем, гегелевскую логику, в которой голые логические формы часто смешиваются с крайне смелыми поэтическими формами, не говоря уже о философии природы. Напомним,

что эта работа задумывалась ее автором в противовес эзотеричной по форме философии Шеллинга как в высшей степени образец экзотеричности, т.е. общепонятности. Учитывая во многом воспитательный, педагогический характер самого текста, который должен был помочь индивиду подняться до уровня науки, как бы подставив ему для этого лестницу, Гегель при написании сочинения очень внимательно подходил к его стилю. Он использовал в тексте множество ярких примеров; приведем лишь некоторые из них: «Там, где мы желаем видеть дуб с его могучим стволом, с его разросшимися ветвями, с массой его листвы, мы выражаем неудовольствие, когда вместо него нам показывают желудь. Так и наука, венец некоторого мира духа, не завершается в своем начале». Или: «Как здание не готово, когда заложен его фундамент, так достигнутое понятие целого не есть само целое». Или: «Истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде и в таком же виде спрятана в карман» и т.п.

И, тем не менее, язык книги остается очень неравномерным: образные иллюстрации и общедоступные исторические сюжеты, которые должны помочь читателю уловить непростую логику гегелевского текста, перемежаются с крайне тяжеловесными, абстрактными высказываниями и целыми фразами, которые не становятся понятными даже после их многократного чтения. Особенно труден текст для студентов, изучающих это произведение. Он требует от них многократного прочтения отдельных фрагментов и предварительного ознакомления с общей идеей как работы в целом, так и ее отдельных смысловых частей. Интересно, что некоторые современные философы отмечают удивительную поэтичность стиля гегелевских работ, утверждая, что в отличие от казался бы истинного поэта – Шеллинга, Гегель оставил нам образчики высочайших в стилистическом отношении фраз-афоризмов, которые почти невозможно отыскать у кого-либо из других представителей данной философской традиции. Некоторые из них нами были приведены выше. Однако самыми знаменитыми и ставшими, пожалуй, даже крылатыми, по крайней мере, для профессионалов-философов, являются его фразы о философии как о «времени, *постигнутом в мысли*», о том, что «философия начинает рисовать своей серой краской по серому», и что «сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» и, наконец, «Все действительное разумно, все разумное действительно» и т.п. Хотя все эти фразы взяты уже не из феноменологии, а из поздней «Философии права». Несмотря на эти и многие другие блестящие гегелевские афоризмы, с российским автором можно согласиться лишь частично: наряду с действительно высоко афористичными фразами, особенно в его так называемых «прибавлениях» к основным текстам, Гегель является создателем крайне сложных, труднодоступных в стилистическом отношении произведений.

В свое время, знакомясь с кантовской «Критикой чистого разума», Гегель назовет «варварским» язык своего великого предшественника. Увы, самому Гегелю не удалось избежать тех сложностей стиля, которые он нашел у Канта. Не ставя своей целью решать, чей стиль изложения является легче, а чей сложнее, отметим, что все представители немецкой идеалистической традиции XVIII–XIX вв. создавали свои произведения явно не рассчитывая на их широкое усвоение массовым читателем. Это действительно специальные философские произведения с крайне абстрактными дедукциями, «архаизмами, неологизмами, головокружительными этимологическими изысканиями», по словам Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «характерно философский род атлетизма» [7, с. 17].

Отдельно здесь можно было бы упомянуть и рассуждения С. Жижека, относящиеся, правда, не собственно к стилю, а скорее к языку гегелевской феноменологии. Этот язык видится ему в качестве «медиума» того «путешествия сознания», которое предпринимает немецкий философ и которое «стремится в точку, где станет возможно определить каждый этап этого путешествия, каждую «фигуру сознания», с помощью той или иной модальности языка». Жижек обнаруживает здесь у Гегеля явную рассогласованность между тем, что сознание «собирается сказать», и тем, что оно говорит на самом деле.

В конце XX века в европейской философии получила широкое распространение точка зрения председателя Французского философского общества Жака Д'Онта, который в своих многочисленных, посвященных Гегелю работах – «Гегель, философ живой истории», «Тайный Гегель. Исследования скрытых источников мысли Гегеля», «Гегель в его время» и, наконец, в последней его работе под названием «Гегель. Биография» и др., представил совершенно «нового Гегеля». В его версии, и в свои зрелые годы немецкий мыслитель остался верен идеалам своей юности и всю жизнь был мыслителем либерального толка, вынужденным приспособляться к условиям политических режимов, под властью которых жил, в частности, непрестанно себя сдерживать, кое о чем молчать на публике и т.п. [3, с. 506].

Именно поэтому Д'Онт призывает нас различать несколько уровней в гегелевском способе выражения его мыслей, его т.н. «двойной язык». Имея в виду, во-первых, его доктринальный корпус, хорошо структурированный и составляющий основу его «философской репутации и популярности», теоретическое содержание, «тот цоколь, на котором, прежде всего, зиждется гегельянство». А, во-вторых, его аллюзии, намеки и умолчания, рассчитанные на самого искусного читателя, умеющего читать между строк. Более того, Д'Онт полагает, что, столкнувшись с наиболее темным по смыслу отрывком гегелевского текста, мы должны не только стараться понять этот его смысл, но и попытаться найти причину того, «почему автор оставил его темным, не прояснив». Получается, что, будучи хорошо знаком с опытом

Фихте (имеется в виду пресловутый спор об атеизме и то, как дорого он тому обошелся), философ просто опасался показаться мятежником, еретиком или неверующим и потому пытался своим способом выражения мыслей обеспечить согласие между философией и религией, а позднее, и между тиранией и свободой. Однако, как считает тот же Д'Онт, сам Гегель никак не мог согласиться на такое полное и безоговорочное примирение, отсюда, мол, и диссонансы, умолчания, и темные места в его текстах, «между экзотерическим и принимающим разные обличья, но поистине эзотерическим языками».

В завершении своих размышлений французский философ приводит следующую цитату, которая, по его мнению, и должна, пусть и аллегорически, ответить на вопрос о специфике гегелевского стиля и о том, почему тот вынужден был его использовать: «Философия не вещает истину на площадях – у нее не луженая глотка, и к тому же на углу стоит полицейский патруль» [3, с. 436]. На наш взгляд, такого рода объяснения вполне могли бы быть уместны при анализе политических работ Гегеля, особенно тех, которые писались им в Берлине, когда он исполнял ответственные административные обязанности, и вряд ли годятся при объяснении сложности стиля его феноменологии.

Подробно о языке гегелевской «Феноменологии духа» в XX в. было написано немало исследований, большинство которых осуществлено в рамках англо-американской аналитической традиции. Ее представители отвергли в качестве доминирующей гносеологическую проблематику «Феноменологии духа» и представили ее основные идеи скорее как разновидность прагматизма и исследование языка, практики и культурных контекстов. Сам же Гегель предстал здесь как исключительно представитель философии языка, которого сравнивают с одним из инициаторов «лингвистического поворота» в философии – Л. Витгенштейном.

Отметим, что, будучи крайне сложным как в структурном, так и в стилистически-языковом плане, философским произведением, «Феноменология духа» Гегеля оказала, тем не менее, огромное воздействие на развитие интеллектуальной культуры XX в. Ее перевод на русский язык во многом способствовал формированию соответствующей философской терминологии и отразил существенные изменения философского текста в XX в. По словам российской исследовательницы Н.В. Мотрошиловой, «судьба «Феноменологии духа» как ярчайшего раннего произведения, волею судеб не сохранившего своего значения в зрелой системе Гегеля и в то же время частично «вписанного» в более поздний проект философии духа, побуждает, как и раньше, к раздумьям и исследованиям» [8, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев, К.А. «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте сознания / К.А. Сергеев, Я.А. Слинин. – СПб., 1992.
2. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1992.
3. Д'Онт, Ж. Гегель: биография / Ж. Д'Онт. – СПб., 2012.
4. Гайм, Р. Гегель и его время / Р. Гайм. – СПб., 2006.
5. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Избранные произведения. В 2 т. // К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1948. – Т.2.
6. Герцен, А.И. Былое и думы / А.И. Герцен. – Л., 1947.
7. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – СПб., 1998.
8. «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. – М., 2010.

Поступила 17.10.2016

HEGEL'S "PHENOMENOLOGY OF MIND": THE MAIN IDEAS, STRUCTURE AND STYLE OF THE WORK

T. RUMYANTSEVA

The article is devoted to one of the most complicated and at the same time the most symbolic texts in the world philosophical literature, which was called «The true source and mystery of Hegel's philosophy» by Marx - "Phenomenology of Mind". It is shown that the text is a kind of symbol of the philosophical treatise as such, which is obliged to read for anyone who has at least some claim to philosophical thinking. The paper attempts to uncover the basic ideas of Hegel's «Phenomenology of Mind» and to highlight those "mysteries" of this book, which are connected with the elucidation of the structure and style of its writing.

Keywords: G. Hegel, "Phenomenology of Mind", G.Shpet, The Structure of "Phenomenology of Mind", The Style of Hegelian phenomenology, J. D'Ont.